

«Время» в истории*

Изучая историю, современный человек старается понять человека прошлого, но если мы допускаем, что История — «не знание внешних фактов и событий, а форма самопознания» [1, с. 665]¹, то возникает вопрос. Как я «здесь» и «сейчас» настоящий могу задать осмысленный вопрос прошлому? Ведь даже если это прошлое попроще и победнее в культурном плане, чем «я» настоящее (что само по себе не очевидно), оно определенно другое. Поскольку же мне дано только «я», а не другое, сделать это удастся одним единственным способом. В настоящем «себе» мне предстоит отыскать нечто неизменное, постоянное, вечное.

Мне для того, чтобы найти нечто неизменное в себе необходимо постоянное соотнесение себя с другим, причем с другим и настоящим, и прошлым. Поскольку в нас настоящих все очень неустойчиво и зыбко, мы обращаемся в поисках ответа к прошлому, к истории «Я». Причем к «Я» не просто синтетическому единству апперцепций (в кантовском смысле этого словосочетания), а, как это ни парадоксально звучит, к синтезу субстанций (или того, что описывалось Кантом как закон взаимодействия или общения). «Слово *Gemeinschaft* в немецком языке имеет двоякий смысл и может обозначать то же, что *communio*, или то же, что *commercium*. Мы пользуемся им здесь в последнем смысле, имея в виду динамическое общение, без которого даже и общность места (*communio spatii*) никогда нельзя было бы познать эмпирически» [2, с. 277]².

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 98.03.04190.

Если мы допускаем, что прошлое другого «Я» связано с настоящим моего «Я», то мы должны допустить не просто связь между другим и мною, но и одновременность нашего существования, хотя бы в том смысле, что мы жили не в одно и то же, но принципиально в одно время. Его влияние на меня и мое восприятие этого влияния взаимосвязано. Другой, определяя свое послание мне будущему, имеет обо мне вполне определенное мнение: христианин, свободный, справедливый, образованный и т.п. Я пытаюсь воспринять это послание через то представление, которое я имею о нем вчерашнем и о влиянии его истории на меня сегодняшнего. «В нашей душе все явления как содержащиеся в возможном опыте должны находиться в общности (*communio*) апперцепции, и поскольку предметы должны представляться связанными [друг с другом] как одновременно существующие, они должны *определять друг другу место во времени* (выделено нами) и благодаря этому составлять одно целое. ...Но такое [отношение] есть взаимное влияние, т.е. реальное общение (*commersium*) субстанций, без которого, следовательно, не могло бы иметь место в опыте эмпирическое отношение одновременности» [2, с. 277].

Во-первых, нам необходимо найти нечто неизменное не во многом (как в естествознании), а в разном. Ведь если ученый-естественник ищет описание многого, но одинакового, при этом предельным случаем многого может быть уникальное, (например, биосистема озера Байкал), то историк заведомо сравнивает разное и ищет описание, позволяющие это разное представить как «одно», или единственное, или единое, или целое, или единообразное, или хоть в какой-то степени похожее. Конкретное понимание «одного», принимаемое тем или иным историком на данной стадии исследования, для нас не важно. Нам важно здесь подчеркнуть, что в понятие «разное» речь идет о двух событиях, состояниях, процессах и т.п. Так как разница может быть обнаружена только между чем-то и чем-то. Если эта разница между чем-то и чем-то не зафиксирована — исчезает всякий смысл составлять историческое описание. Итак, первое: историк в терминах единичности описывает как минимум два разных события, причем в предельном случае, когда историк пытается сформулировать неизменные законы всемирной истории, таких событий может быть бесконечное множество.

Во-вторых, это разное задается двояко: 1) мы имеем разные события в прошлом; 2) мы имеем разницу прошлого и настоящего. Задачей историка как раз и является определить: 1) место этих

событий относительно друг друга *во времени* (не только в плане что чему предшествовало, но и что на что оказывало влияние, ведь влияние на нас сегодняшних оказывает не только наше с вами прошлое, но и наши планы на ближайшее и более или менее отдаленное будущее), 2) значение этих событий для (прошлого, настоящего и, возможно, будущего) времени¹. По существу речь идет о различном понимании «одновременности». Так как мы не строим здесь исчерпывающую классификацию, нам важно показать хотя бы два значения этого понятия, чтобы продемонстрировать конструктивность предлагаемого нами методологического приема.

Итак, для того, чтобы прояснить статус постоянного, повторяющегося во взаимосвязи исторических событий нам остается простая задача рассмотреть структуру «одновременно существующего многообразия» [2, с. 279]. В качестве оснований деления для многообразия мы предлагаем абстракции «Я» и «Другого», для одновременности «в одно время» и «в одни и те же сроки». Причем, фиксируя «одно время» мы можем отвлечься от каких-либо его характеристик, говоря же о «разных временах» мы должны пояснять, чем эта разность связана, т.к. связь входит в сущностное определение исторического события. В результате логической операции получаем классификацию:

1. «Я» и «Другой» (Я) в одни и те же сроки, в одном времени.
2. «Я» и «Другой» (Я) в разные сроки, в одном времени.
3. «Я» и «Другой» в одни и те же сроки, в разное время.
4. «Я» и «Другой» в разные сроки, в разное время.

Поясним, что мы имеем в виду под каждым пунктом нашей схемы.

1. «Я» и «Другой» (Я) в одни и те же сроки, в одном времени.

Ясно, что «здесь» и «сейчас» я имею дело только с самим собой. При этом я не могу отрицать, что у моего «Я» в любой момент времени довольно сложная структура. Для этого достаточно вспомнить фихтеанский опыт демонстрации саморефлексии. Для нашей темы принципиально важно, что момент саморефлексии является событием человеческой жизни, даже если он происходит исключительно в психологическом плане. Появление *Ichheit*² на определенном этапе психического развития и есть фиксация данного события.

2. «Я» и «Другой» (Я) в разные сроки, в одном времени.

Изменение моего «Я» во время моей жизни не вызывает сомнения, тем не менее мы всегда можем говорить о единстве этого «Я». При этом в каждый момент времени мы как бы заново создаем свое прошлое, вспоминая его немного по-другому. Но для того, чтобы реп-

родуктивное схватывание осуществлялось, мысль должна различные временные моменты определять как идентичные. ««Все сознание так же относится ко всеохватывающей чистой апперцепции, как все чувственное созерцание в качестве представления к чистому внутреннему созерцанию, а именно ко времени». Таким образом, единство времени, в котором и в силу которого для нас только и существует единство эмпирического сознания, сведено здесь к общим условиям; и эти условия вместе с основоположениями, из них проистекающими, оказываются при более глубоком анализе теми же, на которых основано все полагание объективно значимых связей и тем самым все «познание предмета» [3, с. 179]. Последнее для нас принципиально важно. Если в результате применения первой схемы мы в той или иной степени психологизируем историю, сравнивая изменения исторического другого со своим собственным изменением, то реализация второй схемы может иметь принципиально апсихологический характер. Речь идет именно об «объективно значимых связях». В зависимости от того, что историк принимает за объективность — смену материальных орудий труда или смену форм религиозного отношения человека к миру, мы получаем то или иное реальное наполнение данной схемы.

При реализации этой схемы «объектность», в какой бы материальной или идеальной форме она не выступала, в своих изменениях подчиняется схеме предметно-практической деятельности субъекта. «Предмет познания вполне объективен, но это — объективность одного из узлов практической деятельности, это — объективность деятельности субъекта. Предмет — это именно фрагмент действительности (!), а не просто феномен существования» [4, с. 94].

Данная схема имеет фундаментальный характер в том плане, что она лежит в основании любого научного исследования истории. «Я» принципиально не элиминируется из всех других схем, а именно эта схема задает исходное единство понимания роли человека в истории. Но можем ли мы остановиться в этом пункте? Нет. Свое определение, имя, возможность изменения, формы осуществления «Я» получает не от самого себя, а от «Другого», которое конечно же так же является «Я», но за пределами его отношения ко мне.

3. «Я» и «Другой» в одни и те же сроки, в разное время. Хотя мы употребляем здесь понятие «разное время», речь идет о форме одновременности. Существование и изменение «Другого» подчи-

нено времени существования его «Я», которое моему «Я» принципиально недоступно. Какие бы тесные контакты между нами в эти одни и те же сроки не осуществлялись, наша одновременность с ним имеет формальный характер, например связь обмена между независимыми производителями на рынке товаров и услуг. Время выступает здесь не в объективной форме деятельности субъекта. Как во второй схеме, оно объективно само по себе. Наоборот, и «Я» и «Другой» вынуждены считаться в своем взаимодействии с объективностью времени. Наше отношение друг к другу оказывается лишь функцией общего порядка, которой в целом подчинен определенной размерности времени.

«Но что здесь от истории?» — спросите вы. Ведь перед нами описанное Кантом отношение функционального взаимодействия субстанций в классическом естествознании. «Форма действия или функциональной зависимости дает нам основание для признания определенной временной связи в самом предмете... Мы пришли к каузальной системе, в которой оба члена таковы, что можно переходить как от a к v , так и от v к a . Подобная система предстает, например, в совокупности математическо-физических уравнений, которые выводятся из ньютоновского закона притяжения. Посредством них каждый элемент космоса объясняется в своем пространственном положении и движении как функция всех остальных, а они, в свою очередь, — как его функция; и в этом сплошном взаимодействии, идущем от массы к массе, конституируется для нас объективная целостность физического пространства и упорядоченность и членение его отдельных частей» [3, с. 171]. Разве мы сами не писали выше, что у историка и естествоиспытателя разные подходы к объекту своего исследования? Однако это не значит, что историк не в праве исповедывать «объективный» подход к истории, т.е. искать в истории устойчивые инварианты существования «абсолютного духа», выраженного в форме объективных законов, абсолютно независимых от субъектов. Таковы законы развития макроэкономики, или закон соответствия производственных отношений этапам развития производительных сил, или, абсолютно лишенный всякой материальности, закон смены социально-психологической установки индивида, предложенный К.Лампрехтом, когда социально-психологические стадии анимизма, символизма, типизма, конвенционализма, индивидуализма и субъективизма в жесткой очередности сменяют друг друга [1, с. 675]. Мы подчеркиваем этим еще раз, что дело в схеме, а не в предметности. Поиск объективного основания, которому в оди-

наковой степени подчиняется жизнедеятельность субъектов истории, может приводить к совершенно разным материальным или идеальным наполнениям этой схемы.

Тем не менее, что заставляет нас рассматривать ее в рамках схематизма исторического знания? Прилагательное «разное», применяемое к существительному «время».

Это объективное время оказывается способно изменяться, причем изменяться не как угодно, не произвольно, а в строго определенной последовательности. Опыт учета этого изменения дан нам нашим непосредственным взаимодействием с объективным «Другим» (субъектом производственных отношений, субъектом военных действий, субъектом права и т.п.). В отдельных случаях эти отношения неизменны в течение всей нашей жизни, но в других — они изменяются, часто даже у нас на глазах, как например, экономические и правовые отношения современной России. Так как время в данном случае разное, мы можем некоторые отношения рассматривать как относительно неизменные, а другие — как динамичные. Для нас важно одно — «Я» и «Другой» при этом рассматриваются в отношении друг к другу и остаются формально неизменными. Изменяются условия, но сама связь между завоевателем и побежденным, рабом и господином, пролетарием и буржуа, взрослым и ребенком, истцом и ответчиком и т.п. — остается неизменной.

«Смена времен» подчинена своим собственным законам. Это, например, законы развития форм обмена между участниками рынка, или стадии развития науки и техники, или, наконец, экзистенциальные законы развития ментальности, каждый из дисциплинарных подходов строит свою собственную схему смен объективных форм совместного существования индивидов. «Смена времен» может быть как прогрессивной, так и регрессивной в зависимости от ценностных установок историка. Направленность изменений для нас не важна, мы допускаем в истории не только прогрессивное развитие, но и упадок. Нас интересует только два вопроса. Оба они связаны с понятием одновременности. 1) Возможно ли выявить строгую определенность в логике смены одних форм объективного сосуществования истории другими? 2) Возможно ли построить единство различных объективных схем, представить их логически взаимосвязанными?

Интуитивно очевидно, что становлению более зрелых форм связи должно предшествовать вызревание предпосылок, создание предварительных условий. Например, биржи и банки — доволь-

но поздний результат развития финансовых и денежных рынков и рынка ценных бумаг в условиях западной цивилизации [5, с. 84-101]. С другой стороны, многие формы экономической деятельности продолжают сосуществовать в течение всей истории экономического обмена. Так, тот же Бродель очень осторожно подходит к рассмотрению данного вопроса: «Различные механизмы обменов, которые мы показали — от простейшего рынка вплоть до биржи, — легко узнаваемы и легко поддаются описанию. Но не так-то просто уточнить их относительное место в экономической жизни, рассмотреть их свидетельство в совокупности. Имели ли они одинаковую давность? Были или не были они связаны между собой, и [если да], то как? Были или не были они орудиями экономического роста? Несомненно, здесь не может быть категорического ответа, коль скоро в зависимости от экономических потоков, которые вдыхали в них жизнь, одни из них вращались быстрее, другие медленнее» [5, с. 123]. А ведь разбираемый нами пример наиболее очевиден и более или менее поддается количественной оценке. Что уж говорить о формах смены государственной власти или правовых отношениях. Остановимся здесь и мы. Зафиксируем проблему, не находящую прямого решения и перейдем к рассмотрению второго вопроса.

Для ответа на него необходимо ввести какую-либо антропологическую абстракцию, описывающую сущностную связь «Я» и «Другого». Но есть ли у нас какой-либо объективный критерий для выбора из множества определений сущности человека? К сожалению, мы должны признать, что в рамках третьей схемы такого критерия у нас нет. «Я» и «Другой» даны нам в одни и те же сроки. Эти сроки могут быть довольно большими, от этого суть дела не меняется, так как оба представлены вне истории, как неизменные функции объектных отношений. Поэтому для того, чтобы получить хоть какой-то ответ на этот вопрос, приходится гипотезировать цель истории либо всеобщую, как это делает К.Ясперс, либо локальную, в виде вызовов и ответов, как это делает А.Тойнби. И здесь мы невольно из области исторической науки переходим к другой дисциплине, а именно к философии истории, причем переходим необоснованно, так как «цель» — характеристика действия, а не истории. Зафиксируем принципиальную нерешенность этих двух вопросов в рамках третьей схемы.

4. *«Я» и «Другой» в разные сроки, в разное время.* На первый взгляд — вопрос парадоксальный. Что связывает меня и египтянина, жившего во времена фараонов, кроме учебника истории и

моих друзей и родственников, предков которых один из тех фараонов якобы выгнал из Египта. Ничего. Я могу вообще не знать о существовании этого человека, как ничего не знаю о жителях каких-нибудь исторических «Атлантид». Тем не менее эта связь существует, и она принципиальна, так как именно она впервые позволяет мне поставить осмысленный вопрос о конкретной смене форм в историческом развитии человека. Потому что только здесь я имею дело с конкретным «Другим», человеком другой эпохи. Связь эта опосредована не только объективными формами нашего с ним существования, но и субъектной формой включения нас в исторически разные формы деятельности. Что же связывает эти формы между собой? Только одно — это формы человеческой деятельности. Только применительно к этой схеме мы имеем право поставить вопрос «Что есть человек?», не человек вообще (на этот вопрос отвечает биология, а чаще — физиология), а человек в истории, т.к. я могу понять разницу между ним и мной, лишь когда сформулирую нечто общее между нами. При этом нужно сразу оговориться: его глубинная мотивация неизвестна, его культура дана мне часто в нерепрезентативных источниках, его духовный мир — не более чем искусственная попытка моей реконструкции. У нас в руках не Бог весты какой материал для сравнения, и тем не менее, его хватает, чтобы сказать, что его жизнь подчинена тем же самым циклическим законам физического, биологического и социального существования, что и моя.

Для того чтобы объяснить, что мы имеем в виду в четвертой схеме, напомним, что нашей задачей является определение одновременности разнородных по своему составу событийных рядов: событий в жизни человека прошлого и событий в жизни человека настоящего. Для этого придется сначала ответить на несколько вопросов. Что такое событие? Как возможна его фиксация? На основании чего мы можем связать события друг с другом? До сего времени мы не ставили эти вопросы, т.к. событие рассматривалось как элементарная единица человеческой жизни. Нас интересовало установление статуса закономерности в связи событий, сама же связь не ставилась под сомнения, т.к. она опиралась на «эмпирическую реальность времени» [2, с. 140], т.е. между событиями всегда был временной промежуток и мы лишь спрашивали, на чем основана наша уверенность, что он должен быть именно таким, а не другим. Сейчас перед нами несколько иная задача. У нас нет ни одного априорного представления об одновременности: «Я», «Другое», «разные сроки», «разное

время», — и нам впервые придется его сформулировать как бы заново, поэтому само событие перестает быть элементом и становится предметом анализа.

Первое: событие не может быть бесконечным в силу наличия ряда парадоксов, вытекающих из принятия данного предположения. Второе: событие не может быть безграничным, т.к., если к событию применять категории, не фиксирующие его границы, мы не будем иметь право утверждать, что существует хоть какое-то другое событие. Третье: событие не может быть точкой, точнее, мы можем иметь о нем представление как о точке, но лишь в смысле его отличия от линии, плоскости или от конкретной другой точки, т.к., если мы представим событие как абстрактно существующую точку, мы не сможем говорить, что существуют разные события. Исходя из вышеперечисленных ограничений, наиболее подходящей абстракцией для описания события оказывается отрезок, т.е. ограниченная в пространстве (или времени) линия. Но как только мы зафиксировали такое понимание события, у нас сразу появляется проблема его масштабирования, т.е. соотношение его со всяким другим событием. Представление о событии как о точке возникает исключительно в момент его соотношения с событием принципиально иного (большего по сравнению с ним) масштаба. Но раз речь идет об отрезках, то временной интервал между ними должен каким-то образом соотноситься со временем интервалов самих отрезков.

Здесь возникает один вопрос, на каком основании мы считаем, что между событиями a_1 и a_2 существует временной интервал? Не проще ли предположить, что событие a_2 следует сразу за событием a_1 . Но как только мы предполагаем такую абстракцию, следующим нашим предположением должно стать следование события a_3 и т.д. вплоть до a_n , тем самым мы превращаем жизнь человека в ряд однопорядковых событий a , где каждое последующее событие a_{i+1} является напрямую связанным с a_i . Однако мы с вами прекрасно осознаем, что события нашей жизни неравноценны. Наряду с рядом a можно ввести ряд b , ряд c и т.п. В таком случае нам остается либо предположить, что ряд событий a_i сменяет произвольный ряд событий b_i а его, в свою очередь, ряд событий c_i , либо согласиться, что между событиями a_1 и a_2 находится промежуток, вмещающий события b , события c и т.п. Последнее кажется более убедительным, т.к. если предположить обратное, то у нас нет никаких оснований ограничить ряд событий a без вмешательства какой-либо иной по отношению к нашей жизни силы, произвольно выбирающей для нас тот или иной ряд событий.

Поскольку нашей проблемой является поиск одновременности, то единственно возможным решением вопроса нам представляется одинаковость пропорций отрезков событий a_1 и a_2 ; отрезку времени t , отделяющем события a_1 и a_2 ; друг от друга. В символической форме одновременность может быть выражена следующим образом ($a_1 t = a_2 t$).

Теперь перейдем ко второму вопросу: как возможна фиксация нами событий. Ясно, что ответ на него зависит от прояснения смысла знаменателя в вышеприведенной формуле. Из всех возможных концепций времени для наших целей вполне подойдет одна из самых древних — аристотелевская. Напомним, что Аристотель определяет время как меру движения, в качестве наиболее удобной единицы меры Аристотель предлагает использовать круговое равномерное движение. Итак, субъективный отрезок события a соотносится с особым образом организованным интервалом t , который есть не что иное, как соотношение двух отрезков, один из которых является произвольным, а второй — соответствующий его масштабам, сознательно выбранный человеком циклический процесс. Исходя из вышеизложенного, у нас есть все основания считать проблему фиксации событий сугубо субъективной. Ведь даже если мы берем в качестве эталона времени астрономические меры секунд, минут, часов, суток, годов, т.е. объективно (внешние по отношению к человеку) существующие циклы, то мы, тем не менее, не имеем право утверждать, что события человеческой жизни фиксируются нами исключительно в силу того, что между ними проходит определенный (не зависящий от человека) промежуток времени. Данную мысль легко пояснить одним примером: структура событийной жизни древнего египтянина и человека постиндустриального общества разная. Если ритм событий египтянина тесно был связан с естественно-природными циклами времени (длиной светового дня, периодами разлива Нила), то те же самые ритмы современного человека гораздо более зависят от трудового законодательства и финансового положения страны его проживания. Именно на такую сложность специфики восприятия времени для объектов социологии культуры указывает Л. Г. Ионин вслед за А. Шюцем: «Повседневность конструируется «стандартным» временем трудовых ритмов. Последние определяются «пересечением» субъективной длительности и объективного космического времени. Такое сложное строение трудового времени существенно осложняет исторический анализ проблемы. Кроме того, ни субъективное время, ни объек-

тивно внешнее время в современном понимании не совпадают с тем, как они воспринимались в Древности» [6, с. 115]. Но как это ни странно, именно такая субъективная фиксация структуры события впервые помогает нам понять объективность связи между ними. Изобразим фиксацию событий символично $an\ t\ t$ организацион = an организацион = an (организация).

Мы убираем время на основании того, что в методологическом схематизме, который мы в данном случае предлагаем, необходимо убрать все физические и метафизические смыслы, которые ассоциируются с понятием «времени». Благодаря этим операциям мы наконец получаем определенность рассматриваемых нами событий. Мы имеем дело не с любым событием человеческой жизни, не с абстрактом a , под который можем подвести любое значение, и не с любой мыслью вообще, сравнивая различные события мы можем вычленивать из них то общее, что в них есть — сознательную организацию равномерно повторяющейся деятельности (трудовой, торговой, правовой, социальной, культурной, военной, политической и т.п.). Как раз то, что при реализации такой деятельности человек стремится элиминировать из нее все субъективное, т.е. сознательно создает объективную конструкцию и позволяет нам говорить об объективности истории, но понятно, что не всей истории, а лишь истории таким образом конструируемых событий.

Наконец, мы подошли к последнему вопросу. На основании чего мы можем связать события друг с другом? Самый простой ответ — на основании определенной темпоральной структуры, в соответствии с которой мы и организуем выделенные нами события. Этот ответ очевиден, но мы не можем с ним согласиться. События, конечно, происходят во времени, но не из-за времени. Человек конечно учитывает объективную темпоральную структуру, но часто организует связь событий не в соответствии с ней, а вопреки ей. Наконец, последнее. Если бы вся организация связи событий была бы лишь функцией объективно существующей темпоральной структуры, то у человека не было бы Истории, в лучшем случае она свелась бы к чововічим историям³. Тем не менее человек не только является сыном истории, но и ее единственным творцом. Будучи творцом, именно он задает возможность перехода к новой событийной структуре, к новому связыванию событий друг с другом. Говоря языком феноменологии, мы должны признать изначальную интенциональность события. Если мысль всегда о чем-то, то событие всегда для чего-то. Прежде всего

для того, что бы человек мог сосуществовать с природой, с другим человеком, с людьми, причем не только настоящими, но будущими и прошлыми. И так, «Я» и «Другой» в Истории (т.е. в разные сроки и в разное время) связывает сознательная организация человеком своих действий, направленная на сосуществование его с другими людьми с целью осуществления себя как «человека»⁴.

Только после этого объяснения вопрос «Что есть человек?» становится не только осмысленным, но и актуальным, так как тот или иной ответ на него можно рассматривать не только как исторически обусловленный развитием науки, но и как актуализированное в конкретном историческом контексте принятие человеком определенного значения своего имени. *Homo politicus*, *le saint homme*, *homo economicus*, *homo sapiens*, *homo ludens* — оказываются конкретными историческими этапами смены человеком своего имени, под которым скрывается актуальная в тот или иной период истории форма сосуществования человека с себе подобными.

Мы рассмотрели четыре типа связи событий в истории между собой. Теперь попытаемся ответить на вопрос: «Какую связь событий мы должны положить в основание факта в исторической науке?» Любую. На основании каждой из них можно установить фактичность связи событий. Первая схема является необходимой для библиографического жанра в историографии. На основании второй строятся предметно-практические описания исторических событий, например, история классовой борьбы во Франции или история культуры Древней Руси. Распространенность третьей схемы снимает всякие вопросы о ее применимости. Сложнее обстоит дело с реализацией четвертой схемы. Нам представляется наиболее близкой к данной схеме текст А. Дж. Тойнби, посвященный анализу «ритмов» распада общества. «Периодичность, будучи одной из черт, делающих процесс распада похожим на процесс роста, не может быть объяснена теми же причинами. Если такты в ритме роста как бы отмечают последовательность успехов в ответ на череду вызовов, то такты в ритме распада образуются в результате цепи поражений в ответ на один и тот же вызов, а если процесс распада, подобно процессу роста, имеет непрерывный характер, то это может произойти потому, что каждое последующее поражение сеет семена новых попыток его преодолеть» [7, с. 475].

Главный вывод из нашего исследования заключается в неправомочности подмены событийных схем при установлении фактов связи между историческими событиями. Так, никакие события в биографии художника не могут ничего сказать о факте из-

менения духовной культуры, и наоборот. Развитие и смена форм правовых отношений в России в XIX веке (кодификация законов, правовая реформа Александра II) оказали существенное влияние на изменение общественной жизни и никакого — на овладение массами опытом политической борьбы за власть в начале следующего столетия.

Предложенная Ф.Броделем методология синтеза социальных наук на основании выделения структуры социального времени послужила образцом для проведенного нами исследования. Критикуя традиционную историографию, основанную на описании исторических событий, измеряемых короткими хронологическими единицами, Бродель ввел понятие «времени больших длительностей» (*la longue durée*). Именно с помощью этого понятия мы можем сделать предметом исторического исследования демографические прогрессии, изменения экономических и социальных конъюнктур, циклические колебания производства, обмена и потребления, т.е. понятия, широко используемые такими социальными науками, как демографией, этнологией, экономикой, социологией и т.п. Субъектом истории при подобном подходе оказываются не отдельные исторические индивиды, а медленно изменяющиеся во времени структуры — «системы достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами». Выделение нового измерения истории и специфического исторического субъекта в виде структур позволило Броделю создать оригинальную модель исторического исследования, широко используемую историками во второй половине XX века. Сначала рассматриваются географические, демографические, агротехнические, производственные и потребительские условия материальной жизни, или как называет их Бродель, «структура повседневности» предмета исследования. (В нашей работе это соответствует второй схеме). Затем анализируются собственно экономические структуры общества, связанные со сферой обмена (рынки и ярмарки, биржи и кредиты, торговля и промышленность) и возникающие на их основе социальные структуры, начиная с простейших торговых иерархий и заканчивая, если того требует предмет исследования, государством, что целиком соответствует предложенной нами третьей схеме. Наконец, в последней части исследования показывается, как в результате взаимодействия выявленных ранее структур возникает собственно предмет исследования, будь то мир экономики современного капитализма [8] или современная Франция [9]¹³. В этом пункте у нас есть небольшие расхождения с Броделем.

Нам кажется, что он недостаточно определен в постановке предмета своего исследования, что он избегает однозначно поставленных вопросов и не ищет ответов на них, что он недостаточно решителен. Вполне возможно, что Бродель действительно сравнивал цивилизации, а не конструировал предмет истории, как то предполагаем мы.

Нас могут спросить: «Как должны соотноситься друг с другом выявленные в различных событийных рядах исторические факты?». Мы не можем отрицать между ними когерентную связь, т.е. определенное функциональное согласование в рамках одного временного периода. Однако нам представляется, что эта связь должна выявляться не на уровне конкретно исторического исследования, а в рамках создания концептуального теоретического исследования исторического процесса. Принципиально в таком исследовании то, что историк работает в нем не с историческими фактами, а с теоретическими конструктами.

Но именно на уровне теоретического конструирования понятий, — сформулированных на основании существования самого временного ряда, таких, например, как: «душа», «мир», «Бог», — историка ожидают антиномии исторического знания [10, с. 249-264].

Первая антиномия

1. История имеет начало и конец. Она ограничена во времени и локализована в пространстве.

2. Выделить границы какого-либо исторического отрезка невозможно, всякая попытка такого рода — субъективная точка зрения того или иного историка.

Вторая антиномия

1. Все сложные исторические процессы сводятся к простым, поддающимся фиксации действиям, событиям.

2. Исторические процессы настолько сложны и взаимосвязаны, что выделить в них отдельное, не влияющее на другие стороны исторического процесса событие невозможно.

Третья антиномия

1. Все события в истории причинно обусловлены. В истории нет ни одного события, которое невозможно было бы описать, используя исключительно причинно-следственную систему координат.

2. Из исторического описания принципиально неустранима свободная воля субъекта исторического процесса, поэтому исключительно детерминистское описание исторического процесса невозможно.

Четвертая антиномия

1. Будучи сам исторической личностью, историк имеет средства и методы объективного описания исторического процесса. За пределами мира, описываемого историком, принципиально не может быть ничего, что он не мог бы включить в свое описание.

2. Будучи сам участником исторических событий, историк не обладает возможностью описать всю совокупность последствий и условий того или иного исторического действия. Историк не в состоянии описать исторический континуум, так как история принципиально продолжается и потенциально бесконечна, поэтому за пределами его описания всегда остается существенная область человеческого незнания или исторического заблуждения.

Ниже мы попытаемся показать, как эти антиномии могут быть разрешены с помощью созданных нами схем. При этом основной целью исследования станет фиксация категорий, необходимых историку для построения теории исторического процесса. Для того, чтобы наши рассуждения были более понятными, сформулируем вторую антиномию как проблему.

При помощи каких понятий сложные и взаимосвязанные исторические процессы могут быть сведены к простым поддающимся фиксации фактам?

«Я» и «Другой» (Я) в одни и те же сроки, в одно время. То, что наша жизнь сложна, — доказывать не приходится. То, что мы по мере наших сил с этими сложностями справляемся, — тоже. Мы всегда соотносим жизнь с тем состоянием, в котором находимся «здесь» и «сейчас». Так, современное состояние России делает актуальной метафору о национальной истории 17 в. — «Смута». Борьба метафор в современном сознании должна соотноситься с тем, как человек ощущает свое собственное положение в настоящем времени. Оценка человеком своего состояния есть мера понимания им взаимосвязи событий или процессов. Если мы согласимся, что «оценка человека» и «понимание человеком» не свободны от субъективности, то единственно объективной в онтологическом плане категорией, которую мы можем вычлениить из данного положения, окажется «мера». По существу историк, работающий в парадигме первой схемы, должен решить для себя одну онтологическую проблему: в чем заключена объективность меры при нарушении которой «Я» переходит в «Другое».

Итак, первой и основополагающей категорией является «мера» как форма или формула, в которой можно отобразить полученные нами исторические факты. Ни один из фактов сам по

себе не является самодовлеющим и достаточным для исторического исследования. События в истории даны нам принципиально взаимосвязанно. Наша задача состоит в том, чтобы, открыв их, расположить их по значимости в сложном сочетании друг с другом.

Источниковедческий комплекс является ничем иным как эмпирическим базисом, созданным для описания истории в виде формул. В качестве существующего примера таких исследований мы можем привести формулы, описывающие расслоение земельной собственности, выведенные К.В.Хвостовой и В.К.Финном на анализе византийских поземельных отношений XIV века [11, с. 182-184].

Но формула — лишь способ организации результатов исследования. Соответствует ли ей какая-либо особенность организации объективного мира? Да. Перед нами ничто иное, как структурная организация объекта исследования. История не является исключением в структурных исследованиях, охвативших науку во второй половине XX века. Они широко применялись в лингвистике, антропологии, психологии. Не избежала их и история культуры. «Основным слоем, на котором основывается всякий анализ, является анализ произведения, поскольку, прежде чем приступить к описанию истории культуры и до того, как мы можем поставить представление о причинно-следственной взаимосвязях отдельных ее явлений, необходимо, чтобы у нас была возможность обозреть произведение языка, искусства и религии» [1, с. 106].

От анализа структуры мы должны перейти к системному анализу и... столкнуться с проблемой. Объект истории системен, но системно ли изменение объекта? Чтобы понять, как происходит взаимосвязь состояний, нам необходимо рассмотреть логику процесса и, тем самым, перейти ко второй группе теоретических категорий исторической науки, категориям, описывающим «длительность».

2. «Я» и «Другой» (Я) в разные сроки в одном времени. Вторая схема впервые дает нам представление об истории. Конечно, это история самого субъекта, но понятая объективно, история овладения субъектом предметной формы объекта. Проблема меры при этом снимается тем, что переносится в объект. Человек изменяется сам по мере овладения им сложной структуры предмета, на который направлена его деятельность. Так появляются в текстах по истории философии «ранний Ницше» и «поздний Хайдеггер», в текстах по истории общества раннефеодальные государства или империализм как высшая и последняя стадия капитализма. Существенной проблемой такого исторического подхода становится

ся поиск объективных отношений, в границах которых субъект не может измениться, отношений, которые субъект принимает как константы мирового порядка.

«Именно такие последовательности, такие «ряды», такие «факты длительной временной протяженности» (*longues durées*) привлекали мое внимание: они рисуют линии, идущие к горизонту, и самый горизонт всех таких картин минувшего. Они вносят туда порядок, они предлагают некое равновесие, скрывают постоянные свойства — в общем, то, что там есть более или менее объяснимого в этом кажущемся беспорядке. Ж.Лефевр говорил: «Закон — это постоянная величина». Разумеется, здесь речь идет о константах в течение определенного срока, длительного или средней продолжительности» [12, с. 594].

Вторая схема нацеливает историка на поиск определенных длительностей неизменного функционирования субъектов истории в качестве ее объектов, но она же ставит перед историком онтологическую проблему определения «начала» и «конца» этих длительностей. Так решение второй антиномии исторического знания с логической последовательностью упирается в решение первой антиномии. Выделение «начала» и «конца» какого-либо исторического периода не может быть навязано историку извне по аналогии. Это свойство самого исторического объекта.

Если все объекты исторической науки целостны, то целостны и исторические процессы. В истории бывают случаи, когда сложный исторический объект становится монолитом, практически не имеющим частей, например война на выживание. Массы мобилизуются, превращаются в сумму с одной волей, с решением одного вопроса, доведенного до дилеммы — жизнь или смерть. Человек делает не свой личный выбор, а принимает выбор общества. Время рождает героев. Это исключительные моменты в истории, но здесь главное заметить, что они возникают. Революции и есть моменты мобилизации общества, момент решения проблемы «или — или». Но революции не продолжаются вечно. Целостный исторический объект, т.е. человек, общество, государство, в зависимости от четко выделенных причин, способен мобилизоваться и превратиться в монолит, где уже не действует часть, но лишь на определенное время, для решения конкретных задач, предьявляемых обществом к монолиту. Как только эта задача решена, общество очень быстро восстанавливает свою сложную целостную структуру. Именно эти колебания и есть органика исторического объекта.

Переход целостности к монолиту и последующий этап создания новой целостности должен осознаваться обществом как конкретный исторический отрезок. В эти моменты естественные циклы синхронизируются, и все общество начинает работать как один организм, но лишь до определенного предела. По существу перед нами момент революции: социальной, технологической или культурной. У каждой революции имеются конкретные задачи, для решения которых и происходит синхронизация естественных циклов. Если мы рассмотрим историю как пакет циклов, то именно революции будут объективно выделены как моменты синхронизации различных временных циклов⁵.

Следовательно, мы видим, что решающей онтологической проблемой второй схемы является выделение категорий, с помощью которых можно описать естественную границу длительности неизменного функционирования исторического объекта. Это длительность особого рода. Она не может начаться с определения границ отрезка. «Начало» и «конец» исторической длительности являются условными единицами. Изменения истории чаще всего происходят в результате длительных процессов, в которых проблематично выделить «начало» и практически невозможно — «конец». «Начало» и «конец» — не более чем абстракции, к которым мы апеллируем с целью сделать историю понятной и человекообразной. Что же остается за пределами этих абстракций при анализе длительности? Исторически сменяющие друг друга циклы повседневности, на фоне которых происходят процессы становления новой целостности или системы отношений человека к человеку, человека и общества, общества и природы. Каждой из этих систем соответствуют свои параметры длительности. Все вместе они описывают процесс становления человеческой истории.

Итак, «длительность», «цикл», «становление» являются основными категориями второй группы. Все они взаимосвязаны. Невозможно понять одну из них, вычленив из целого, т.к. свое объяснение они получают друг через друга. Нам осталось лишь привести мнение специалиста: «Достигнув в 850 году своей вершины, очень долгий цикл стал неуклонно двигаться к концу. Его нисходящее движение продолжалось вплоть до всеобщего возрождения, последовавшего за рубежом 1000 года. Конечно, это новый цикл, о котором я осмеливаюсь заговорить, сам еще нуждается в объяснении... Происходит инверсия, переворот. Однако всякий переворот, который утверждается надолго, вызывает множество вопросов относительно его причин и следствий. Я говорю «причин и

следствий», ибо мы не можем отнести текущие процессы исключительно к той или иной из этих категорий» [13, с. 115]. Не можем, но должны ставить вопрос именно о «причине и следствии», т.к. это третья группа категорий, необходимых для анализа истории.

3. *«Я» и «Другой» в одни и те же сроки в разное время.* Третья схема предполагает поиск надсубъективных сущностей истории. История человека превращается в ней в историю таких безличных сущностей, как социальные институты, формы развития государства, смена ментальностей, по крайней мере, в том виде, как их понимает Ф.Арьес в своих исследованиях установок европейского человека в отношении смерти. По поводу этих исследований А.Я.Гуревич пишет: «Он придерживается уверенности в существовании единой ментальности, якобы пронизывающей все социальные слои. Он исходит из убеждения, что эволюция мыслительных форм в первую очередь и определяет развитие общества, а потому считает правомерным рассматривать ментальность автономно, вне связи с социальным. Но тем самым Арьес изолирует такой предмет исследования, право на существование которого еще нужно обосновать» [14, с. 247]. С этой критикой признанного специалиста по теории исторической ментальности можно только согласиться. Введение такого предмета, как ментальность требует обоснования. Но что делать историку в тех случаях, когда объективность предмета дана ему без всякого обоснования?

Право, государство, армия, экономика существуют, и это их существование мы ощущаем непосредственно. Но как часто? И, может быть, самое главное, можем ли мы определить закономерность их влияния на нас? И тем самым свести сложность нашего включения в различные надсубъективные структуры к простому закону, который проще принять, чем понять? Эти три вопроса объективны, потому что реально стоят перед нами. Если мы принимаем эту их объективность, то весь удар критики, направленный против антиисторизма объективистской истории, оказывается выстрелом в пустоту. «Изучение картин мира, сменяющих одна другую в истории, властно побуждает историков действовать именно так, как повелевает природа исторического ремесла, а именно: изучать свой предмет — человека в обществе — не в качестве внешнего «объекта», наподобие естественнонаучных объектов, но таким, *каков он по своей сути* (выделено нами), т.е. в качестве деятельного, мыслящего и чувствующего субъект, автора и актера жизненной драмы истории... [12, с. 293]. Автор этих строк забывает о «зрителях».

Мы не только субъекты истории, мы гораздо чаще ее объекты. И в качестве объектов у нас невольно возникает вопрос в обоснованности ее «объективных» закономерностей. Нам хотелось бы, чтобы цена «свободы» как цели человеческого существования не превышала предела, ставящего под вопрос само наше существование как биологических, социальных и психологических существ. Такая постановка вопроса непосредственно выводит нас на третью антиномию исторического знания.

Человек функционирует в циклах существования. События его истории непосредственно связаны с функциями этих циклов. В жизни человека не так много моментов, которые он квалифицирует как события (женитьба, рождение ребенка, получение научной степени, смерть и т.п.) Функциональность снимает с человека ответственность за события. «Зачем?» заменяется «Почему?». Свободная воля человека останется необоснованной без выделения того, чему она противостоит, а именно причинности. Третья антиномия разрешается тем, что человек становится субъектом истории тогда, когда его действия основаны на знании причины (даже в том случае, когда действия противостоят этой причине). Но для выделения причинности события должна быть задана размерность предшествующего события, иначе причиной может быть названо любое предшествующее событие.

Тем самым, вместе с причинностью, и только здесь, а ни в коем случае не раньше, мы вынуждены ставить вопрос о «времени». В онтологии мы вводим «время» как категорию, которую исключили в методологии. Вводим ее как конструктивный элемент. Именно здесь намечается наше расхождение с Кантом. У Канта время имеет эмпирическое содержание. В онтологии мы должны отвлечься от эмпирии и ввести «время» как теоретический конструкт. Кантовское «время» является значимым для методологии, но лишь для того, чтобы сконструировать схематизм мышления, из содержания которого мы должны его потом удалить. В конечном счете для Канта эмпиричность времени является основой причинности, для нас, напротив, необходимость причинности обуславливает осмысленность введения «времени» в онтологию. Мир истории в отличие от «мира чистого разума» — это мир самого человека, сознательный мир его поведения. В истории проблема сочетания времени и причинности — проблема конституирования исторического субъекта как субъекта истории. Именно здесь и происходит разрыв циклов, их переход в новую систему функционирования, только, решив эту проблему, мы можем го-

ворить о размерности исторических отрезков. Реформы Петра объединяются с деятельностью Екатерины II, решение проблем российской армии решается созданием дворянства как субъекта российской истории. Цикл завершается созданием этики, кодекса чести, неписаных правил поведения, в соответствии с которыми функционируют большие группы, составляющие субъект истории. Именно на этом этапе создается идеология (одной из разновидностей которой является ментальность) как превращенная форма сознания (не значит ложная), позволяющая отдельным людям жить и действовать сообща.

Для объяснения решения третьей схемы приходится решать целый ряд онтологических задач, которые тем не менее можно свести к одной проблеме: с помощью каких категорий мы можем описать необходимость превращения человека из объекта истории в ее субъект?

В отличие от «времени», которое хотя и дано нам в субъективной форме, тем не менее, объективно, в том плане что, переходя к той или иной форме своей деятельности, человек открывает для себя уже существующие темпоральные структуры, выбор человеком причинности остается субъективным. Но является ли этот выбор произвольным? Нет. В его основании лежат объективные формы темпоральных последовательностей, о которых мы писали выше.

При описании этих темпоральных последовательностей нам приходится использовать уже выделенные нами категории «структуры» и «становления». Двудиная сущность времени была открыта давно. С одной стороны, оно циклично и описывается равномерным круговым движением. С другой — каждый цикл знаменует собой определенное изменение (становление) целостности, к которой приложимо понятие временности. «Имеющее начало во времени протекает из кругового движения не вследствие его постоянства, а поскольку оно каждый раз становится новым, оно не нуждается в особой причине, ибо это обновление есть не новый акт, а вечное действие, т.е. действие, не имеющее ни начала, ни конца. Поэтому действитель должен быть вечным, так как вечное действие должно иметь и вечного действителя, а возникающее действие — действителя, имеющего начало во времени. Только благодаря вечному элементу в действии можно понять то, что действие не имеет ни начала, ни конца. И в этом смысле оно постоянно, ибо само по себе оно не постоянно, а изменчиво [15, с. 56-57].

Заменим в этом утверждении представление о вечном действователе как о Боге, представлением о человеке, которому только и дано время и история. Ведь если историю, которую мы рассматриваем, является историей мира человека, то за пределами истории невозможно обнаружить человека, а за пределами человека не существует истории. Следовательно, человек является и вечным действователем для истории, и единственной причиной изменчивого.

Темпоральные представления лежат в основании выбора человеком причинно-следственных связей, в соответствии с которыми он пытается объяснить историю. Временная соразмерность циклов является основой, обуславливающей выбор той или иной концепции причинности. В тех случаях, когда действие предшествует окончанию временного цикла, человек употребляет понятие «целесообразность». Категории третьей группы тем самым можно свести к трем понятиям «время», «причина», «целесообразность».

4. *«Я» и «Другой» в разные сроки в разное время.* Четвертая схема ставит перед историком проблему формирования понятийного аппарата для описания закономерностей в различных областях исторического знания и для различных субъектов истории. Конкретный человек конкретной эпохи решает для себя принципиально однотипную задачу: «Как сделать свою жизнь человеческой?» При всей разности условий и многообразия решений общим остается только проект, создаваемый целесообразным существом. Этот-то проект мы и должны рассматривать на том единственном основании, что мы сами проектирующие существа. Только в этой схеме мы все являемся субъектами истории, но лишь в том смысле, что являемся субъектами своих маленьких историй, сосуществующих в пространстве и времени Земли. Именно здесь сама «История» историка может быть рассмотрена как частный случай исторической деятельности отдельного субъекта, тем самым мы подошли к рассмотрению четвертой антиномии исторического знания. За пределами человека как исторического субъекта существует мир его идеологии, удваивающей мир его существования. И историк, и человек-не-историк подчиняются законам идеологии как надындивидуального мира, но особенность ученого заключается в том, что он является носителем двух идеологий — идеологии общества и идеологии науки и должен решить для себя проблему их согласования, если они противоречат друг другу при изложении истории как научной дисциплины. Это не значит, что научная дисциплина свободна от идеологии, она также подчине-

на господствующим в науке стереотипам (парадигмам), но вектор направленности социальной и научной идеологии разный. Социальная идеология направлена на сохранение существующего, на охрану привычных для общества механизмов контроля перемен самого общества. Социальная идеология не говорит, каким должно быть общество, она настаивает на том, как оно может изменяться. Научная идеология направлена на поиск истины, в том числе и самой по себе, поэтому научная идеология меняется быстрее, чем социальная, но в более локальном смысле.

Двойственная позиция позволяет историку избегать следствий четвертой антиномии, сформулированной в современном языке теоремой Геделя. Историк может описать мир, т.к. одновременно находится в двух идеальных мирах. Это двуединство ставит перед современным историком проблему самоидентификации. Кто он — детектив (Коллингвуд) [16, с. 253-268], судебный следователь (Ранке) [1, с. 663] или свидетель (Солженицын)? Как ученый он может выступать в любой из этих ипостасей, но брать на себя функции суда (судья, адвокат, прокурор) можно лишь в рамках социальной идеологии. Проблема историка заключается в переходе из одной роли в другую.

Историк мыслит как человек определенной эпохи, пользуется языком этой эпохи, в то же время объектом его изучения является прошедшее время, которое он рассматривает с точки зрения объективной науки. Так с необходимостью возникают странные понятия, — оксюмороны, в которых на уровне прилагательных опровергаются существительные: «холодная война», «бархатная революция». Образование этих понятий и есть сложное совмещение двух идеальных миров. Мира социального — в существительных и мира научного — в прилагательных. Конструируя те или иные метафоры, человек описывает мир постоянства (мир циклов), в котором он живет. Историк, изучающий не только внутрицикловые периоды, но и периоды переходов, вынужден создавать свой мир метафор, появление которых зависит от принятия историком на себя социальных функций суда.

Становление истории как науки — это проблема становления понятий, описывающих исторический процесс. Онтология истории — это принятие сообществом ученых понятийного каркаса, но созданного не в *metaphysica generalis*, а самой *metaphysica specialis*, поэтому не проблема времени или человека лежит в основании построения истории как науки, а создание адекватного понятийного аппарата, описывающего историю человечества⁶.

Если же мы хотим, чтобы история стала строгой наукой, то отношение между понятиями должны быть количественно определены, так как сам человек в своей жизни в тех рамках, где он действует рационально, определяет свое отношение к действительности через количественное отношение.

Не только каждый историк — человек, но и каждый человек — историк, но лишь в тот момент, когда он задает количественные параметры процессов, определяющих его жизнедеятельность. Соотношение этих параметров друг с другом, их соответствие целям декларируемых объектом истории показывает нам возможность и действительность исторических процессов. Последняя схема помогает нам сформулировать понятия целесообразности человека как субъекта исторической деятельности. основополагающими в данной схеме оказываются такие понятия, как «жизнь», «свобода». Причем каждое из этих понятий является для человека не столько научным, сколько ценностно окрашенным.

Литература

1. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1964.
3. *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. СПб., 1997.
4. *Библер В.С.* Исторический факт как фрагмент действительности // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969.
5. *Бродель Ф.* Игры обмена. М., 1988.
6. *Йонин Л.Г.* Социология культуры. М., 1998.
7. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991.
8. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. М., 1992.
9. *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1997.
10. *Блохер Ф.Н.* Антиномии исторического знания // Благо и истина: классические и неклассические регулятивы. М., 1998.
11. *Хвостова К.В., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. М., 1997.
12. *Бродель Ф.* Структура повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
13. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Люди и вещи. Кн. 2, часть 1, М., 1995.
14. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
15. *Аверроэс (Ибн Рушд).* Опровержение опровержения. Киев-СПб., 1999.
16. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 253-268.

Примечания

- 1 В известном смысле для понимания данного различия может быть использовано традиционное различие словосочетаний-меток (*an sich*) и (*fyр sich*).
- 2 «Яйность», «ячество» не совсем удачный перевод, скорее речь идет о «самостности» или «самодостаточности».
- 3 В принципе, именно на это нам постоянно указывают феминистки.
- 4 Мы сознательно не употребляем языковую конструкцию «со-бытие», синонимичную русскому «сосуществованию», потому что в данном контексте его употребление не прояснило бы, а скорее иллюстрировало смысл.
- 5 При этом необходимо помнить, что мобилизация может вызываться искусственно (Сталинская революция 1929 года).
- 6 Употребленные нами понятия указывают на наше расхождение с онтологией М.Хайдеггера, для которого «попытка обоснования *metaphysica specialis* оборачивается вопросом о сущности *metaphysica generalis*» (*Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. М., 1997. С. 7).